

Изъ воспоминаній Д. С. Арсеньева *).

Второе путешествіе Шаха Музаферъ-Эдина по Россіи.

въ Іюль 1900 года.

1900 г. 1-го Іюля. Шахъ со своимъ поѣздомъ прибылъ въ Вержболово во 2-омъ часу ночи. Все начальство и я со свитою, мы стояли въ парадной формѣ, и почетный караулъ стоялъ на платформѣ; но я не приказалъ командовать „на краулъ“ и играть музыку до моего приказанія, полагая, что Шахъ уже спитъ и по крайней мѣрѣ уже легъ спать, что дѣйствительно и оказалось. Я видѣлъ, что онъ, раздѣтый, посмотрѣлъ изъ за шторы въ окно. Когда выяснилось, что Шахъ не выйдетъ изъ вагона, то я отпустилъ караулъ до утра. Но Садразамъ и всѣ министры и сановники не спали, и черезъ минуту они высыпали на платформу, буквально бросились на меня и сопровождавшихъ меня лицъ, со всѣми изъявленіями живѣйшей радости. Я пригласилъ всѣхъ къ ужину, который былъ приготовленъ на вокзалѣ, и тамъ, за оживленной бесѣдой, мы просидѣли до 3-го часа утра. Изъ разсказовъ Садразама, министра двора и Насръ-Эль-Мулька (трехъ главныхъ собесѣдниковъ и дѣйствительно весьма пріятныхъ) мы узнали, что здоровье Шаха въ Контрексвилѣ очень поправилось, что онъ чувствуетъ себя не только лучше физически, но и душевно гораздо бодрѣ, вслѣдствіе того, что Французскіе доктора очень его успокоили на счетъ его здоровья, сказавъ ему, что его болѣзнь почекъ, захваченная въ начальномъ ея развитіи, не представляетъ опасности, значительно теперь уменьшилась и можетъ пройти совсѣмъ; что-же до состоянія сердца,

*) См. выше стр. 81.

которымъ пугаль Шаха его Англійскій докторъ Адкокъ, говоря, что оно плохо, Французскіе медики нашли его совершенно здоровымъ. Жизнь въ Контрексвилѣ очень понравилась Шаху и всей его свитѣ; Французское правительство было очень внимательно, а публика относилась къ Шаху сочувственно. Шахъ часто ходилъ въ толпу, забавлялся этой близостью къ роду человѣческому, держалъ себя съ большою сметкою, очень любезно и просто, чѣмъ пріобрѣлъ расположеніе жителей, а при нѣкоторыхъ встрѣчахъ съ нахалами или республиканцами, ярыми до невѣжества, Шахъ, говорятъ, очень ловко ихъ избѣгалъ, какъ-бы ихъ не замѣчая. Но все таки нигдѣ Шахъ и Персы не чувствовали себя такъ хорошо, какъ въ Россіи, не смотря на то, что были въ ней все время въ ѣздѣ, останавливаясь только въ немногихъ мѣстахъ и не по-долгу. Сердечность нашихъ попеченій, предупредительность, соединенныя съ простотою и задушевностью, все это очень понравилось Персамъ, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя стороны нашихъ нравовъ, близкихъ восточнымъ, дѣлаютъ Персамъ жизнь въ Россіи легче, чѣмъ въ западной Европѣ.

2-ю Іюля. Въ 8 часовъ утра мы уже были въ парадной формѣ, и я отправился въ вагонъ къ Шаху, который меня принялъ, мало сказать, съ величайшей любезностью, но съ живѣйшею нѣжностью и сказалъ мнѣ прежде всего, что очень радъ меня видѣть. Послѣ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ о здоровьѣ Государя Императора и его, Шаха, сдѣланныхъ впрочемъ самымъ сердечнымъ образомъ, Шахъ выражалъ свое удовольствіе быть опять въ Россіи. Сегодня я въ первый разъ видѣлъ его въ штатскомъ сѣромъ пиджакѣ, и Шахъ имѣлъ видъ очень добраго и приличнаго господина южнаго происхожденія.

Затѣмъ онъ облачился въ свой обычный военный скюртукъ, баранью шапку съ брилліантовымъ Львомъ и Солнцемъ и, опоясавъ саблю, вышелъ къ почетному караулу, стоявшему на платформѣ вокзала. Принявъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, всѣ почести и пропустивъ мимо себя караулъ, Шахъ, сопровождаемый свитою, перешелъ на противоположную сторону вокзала, передъ которымъ уже стоялъ Русскій императорскій поѣздъ. Шахъ очень обрадовался знакомымъ вагонамъ и особенно красному салонному, въ которомъ онъ проводилъ всѣ дни и ночевалъ во время своего перваго путешествія отъ Владикавказа.

Въ 9 часовъ утра поѣздъ Шаха отправился въ Петербургъ, при звукахъ Персидскаго гимна, „ура“ почетнаго караула и при многочисленной толпѣ народа.

Въ теченіи дня я нѣсколько разъ былъ у Шаха. Разспросамъ его и рассказамъ не было конца; онъ былъ очень веселъ, любезенъ и рассказывалъ съ улыбкою о своемъ пребываніи въ Контрексвилѣ. Онъ былъ доволенъ своимъ леченіемъ, чувствовалъ себя вполне хорошо и былъ очень успокоенъ на счетъ своего здоровья. На видъ я нашелъ Шаха очень поправившимся: въ цвѣтѣ лица, въ глазахъ и движеніяхъ было гораздо болѣе живости и жизни, и онъ даже помолодѣлъ.

Шаха очень занимало, какой пріемъ его ожидалъ въ Петербургѣ и чтò будутъ тамъ для него дѣлать. Я ему сталъ читать предположенный порядокъ его пребыванія въ Петербургѣ.

Это предположеніе ему понравилось, и всякая его подробность давала поводъ къ разнымъ разспросамъ. Шахъ спрашивалъ меня про обычаи нашего двора, какъ быть съ тѣмъ и другимъ, кому подавать руку и т. п. Я ему описывалъ поименованныя въ проектѣ мѣстности и личности, церемоніи и всѣ подробности пріемовъ, и это очень его занимало. Я долженъ сказать, что во всѣхъ своихъ вопросахъ и сужденіяхъ онъ выказалъ много тонкаго пониманія и сердечнаго расположенія къ Государю, Россіи и Русскому образу жизни и совершенное отсутствіе всякаго непристойнаго любопытства.

3 *Юля*. Поѣздъ Шаха останавливался завтракать и обѣдать въ Двинскѣ и Вильнѣ, а къ вечеру въ 9 часовъ мы прибыли на ночлегъ во Псковъ. Вездѣ были сдѣланы Шаху парадныя встрѣчи, почетные караулы, къ которымъ Шахъ вездѣ выходилъ и пропускалъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Представленія начальствующихъ лицъ и многочисленная публика, а далѣе большія толпы народа привѣтствовали Шаха безконечными громкими „ура“, чтò ему нравилось.

4 *Юля*. Мы тронулись, сколько помню, изъ Пскова около 9 часовъ и вообще не торопились; ибо мнѣ было дано строгое приказаніе Государя ни подъ какимъ видомъ не пріѣзжать ранѣе трехъ часовъ дня въ Петербургъ, т. е. времени, назначеннаго для встрѣчи.

Завтракать Шахъ остановился въ Гатчинѣ, куда пріѣзжали депутации для его привѣтствія: отъ министра двора, отъ министра внутреннихъ дѣлъ: пріѣхали Петербургскій губернаторъ графъ Толь и многіе другіе.

Послѣ завтрака Шахъ одѣлся въ парадную форму, т. е. сюртукъ съ брилліантовыми бранденбургамъ, надѣлъ драгоценную саблю, укра-

шенную брилліантами, брилліантовую Персидскую звѣзду и Русскій Андреевскій орелъ съ брилліантами на шею, который у насъ дается обыкновенно Персидскому наслѣдному принцу на томъ основаніи, что орденъ Андрея Первозваннаго имѣеть только Шахъ, а по Персидскимъ понятіямъ никто изъ подданныхъ его, ни даже родныхъ Шаха, не можетъ носить такой-же орденъ, что самъ Шахъ, поэтому наслѣдному Персидскому принцу Русскій Государь обыкновенно жалуетъ Орла отъ Андреевскаго ордена (но безъ христіанскихъ эмблемъ) на шею на Андреевской лентѣ, и такой именно и былъ у Шаха, данный ему еще когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ, а Андрея у Шаха еще нѣтъ (въ этомъ же орденѣ Шахъ принималъ меня въ Маѣ мѣсяцѣ въ Джульфѣ).

Изъ Гатчины Шаховъ поѣздъ поѣхалъ обходными путями на Николаевскую желѣзную дорогу, такъ какъ встрѣча его была назначена на Николаевскомъ вокзалѣ. Мысль предстоящаго свиданія съ нашимъ Государемъ очень волновала Шаха. Наконецъ, мы стали приближаться къ вокзалу; въ окно я видѣлъ уже всю станцію во флагахъ, множество мундировъ, и увидѣлъ, наконецъ, Государя, о чемъ и сказалъ сейчасъ Шаху, такъ какъ я и вся Шахова свита собрались въ полной формѣ въ его вагонъ.

Ровно въ три часа поѣздъ вошелъ на станцію и остановился. Открыли вагонъ и Шахъ вышелъ къ Государю, который подошелъ къ дверямъ вагона. Государь дружелюбно пожалъ руку Шаха и привѣтствовалъ его любезно, спросивъ о его здоровьѣ и путешествіи и сказавъ: *Je suis très content de voir Votre Majesté à Pétersbourg.* Потомъ Государь представилъ Шаху всѣхъ великихъ князей и принцевъ, Шахъ со всѣми здоровался пожатіемъ руки. Ихъ Величества прошли мимо почетнаго караула, игравшаго все время Персидскій гимнъ, затѣмъ Государь съ Шахомъ сѣли вдвоемъ въ коляску. За симъ разсѣлись по экипажамъ члены Царской фамиліи, а потомъ Персидскіе сановники съ соотвѣтствующими ихъ званіямъ Русскими сановниками. Дома Невскаго проспекта были великолѣпно украшены Персидскими и Русскими флагами, коврами и гирляндами, улицы и окна полны народомъ; погода была чудная, ясная и теплая. Войска стояли шпалерами только съ одной стороны Невскаго и какъ гвардія была уже въ лагерѣ, то стояли только армейскіе полки. Затѣмъ все было согласно церемоніалу. А вотъ и высочайше утвержденный порядокъ пребыванія Его Величества Шаха Персидскаго въ С. Петербургѣ.

4 Июля. Вторникъ. Прибытіе въ три часа пополудни.

На Николаевскомъ вокзалѣ изволятъ встрѣтить Его Величество Шаха Персидскаго Его Величество Государь Императоръ и ихъ высочества великіе князья, а также собираются на вокзалѣ свита его величества Государя Императора генералы и адъютанты ихъ высочествъ великихъ князей; временно-управляющій Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, С. Петербургскіе: градоначальникъ, комендантъ, городской голова.

Почетный караулъ и прямые надъ карауломъ начальники.

Съ вокзала ихъ величества Государь Императоръ и Шахъ Персидскій въ коляскѣ изволятъ прослѣдовать до конца Невскаго проспекта мимо Александровскаго сада и строящейся рѣшетки, по набережной въ Эрмитажное зданіе.

Экипажъ Ихъ Величествъ конвоируютъ двѣ сотни Собственнаго Конвоя.

По пути слѣдованія, отъ Николаевского вокзала до Эрмитажнаго зданія, разставлены будутъ войска.

На бывшемъ подъѣздѣ Государственнаго Совѣта встрѣчаютъ: министръ Императорскаго Двора, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-церемоніймейстеръ, въ д. гофмаршала, начальникъ С. Петербургскаго дворцоваго управленія.

На верхней площадкѣ лѣстницы ставится караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ.

Въ новыхъ комнатахъ Эрмитажа, отъ лѣстницы, собираются придворные кавалеры, вторые и первые чины двора.

Ихъ Величества Государь Императоръ и Шахъ Персидскій съ подъѣзда, въ предшествіи 2-хъ скороходовъ, 2-хъ гофъ-фурьеровъ и камеръ-фурьера, прослѣдуютъ въ приготовленные для Его Величества Шаха покои.

Въ новыхъ комнатахъ Эрмитажа, въ залѣ предъ внутренними покоемъ, изволятъ встрѣтить Его Величество Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и ихъ высочества великія княгини съ свитными дамами.

За Ихъ Величествами, Его Величествомъ Шахомъ и ихъ высочествами великими княгинями—камеръ-пажи.

Представленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ Персидской свиты.

По отбытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ свои апартаменты, Его Величество Шахъ въ экипажѣ „Домонъ“, въ сопровожденіи всей своей свиты, изволятъ отправиться въ Зимній дворецъ.

На подъѣздѣ Ея Величества встрѣчаютъ: министръ Императорскаго Двора, оберъ-гофмаршалъ, оберъ-церемоніймейстеръ, въ д. гофъ-маршала.

Въ Арабской комнатѣ собираются свитныя дамы Ея Величества и камеръ-пажи.

Его Величество Шахъ, въ предшествіи 2 скороходовъ, 2 гофъ-фурьеровъ и камеръ-фурьера, прослѣдуетъ въ Малахитовую гостиную.

5 Юля, Среда.

Пріѣздъ Его Величества Шаха въ Петергофъ.

Въ 5 часовъ пополудни посѣщеніе Ея Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ.

Въ 7 часовъ парадный обѣдъ въ Петровскомъ залѣ большого дворца.

Отъѣздъ въ Петербургъ.

6 Юля, Четвергъ.

Высочайшій смотръ войскамъ въ Красномъ Селѣ, въ 11 часовъ утра. Завтракъ на валикѣ.

7 Юля, Пятница. Семейный обѣдъ въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ въ 7 часовъ вечера. Парадный спектакль въ Петергофскомъ театрѣ, въ 9 часовъ вечера.

8 Юля, Суббота.

Поѣздка въ Царское Село.

Обѣдъ въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

9 Юля, Воскресніе.

Поѣздка на яхтѣ „Александрія“ въ Кронштадтъ.

Обѣдъ на яхтѣ „Полярная Звѣзда“.

10 Юля, Понедѣльникъ.

Высочайшій завтракъ въ концертномъ залѣ Зимняго дворца и отъѣздъ Его Величества Шаха.

Взойдя въ залу новыхъ комнатъ Эрмитажа, Ихъ Величества Государь и Шахъ подошли къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и Шахъ пожалъ Ей руку, но не поцѣловалъ, такъ какъ у Персовъ не бываетъ, чтобы мужчина цѣловалъ руку женщинѣ. Императрица познакомила затѣмъ Шаха съ великими княгинями, потомъ представила ему свитскихъ дамъ. Затѣмъ Государь представилъ Шаху свою свиту и высшихъ сановниковъ двора, и Шахъ главнымъ только подавалъ руку и нѣкоторыхъ спросилъ: *Comment santé?* Потомъ Шахъ представлялъ Ихъ Величествамъ лицъ своей свиты. Послѣ этого Ихъ Величества повели Шаха въ его кабинетъ (рядомъ съ большой залой Эрмитажа) и пробыли у него нѣсколько минутъ. Тутъ Государь просилъ причять его орденъ Св. Андрея Первозваннаго съ брилліантами, который былъ принесенъ. Но вотъ двери кабинета растворились настежь стоявшими при нихъ Арапами, и Ихъ Величества Государь

и Императрица стали прощаться съ Шахомъ. Онъ пошелъ ихъ провожать, причеъ шелъ рядомъ съ Императрицей, но не догадался подать ей руку. Потомъ онъ мнѣ сказалъ: *N'est-ce pas qu'il fallait offrir le bras à Impératrice?*—*Je regrette n'avoir pas penser* и уже въ слѣдующіе разы всегда это соблюдать.

Шахъ проводилъ Ихъ Величества до перехода, соединяющаго Эрмитажъ съ Мавританской залой и, простившись съ ними, пошелъ къ себѣ, сопровождаемый мною и своей свитой.

Посидѣвъ у Шаха въ кабинетѣ минутъ десять, я доложилъ ему, что пора ѣхать дѣлать визитъ Ихъ Величествамъ, куда онъ отправился уже въ Андреевской лентѣ, сопровождаемый мною и свитой. Онъ сѣлъ въ коляску „Домонъ“, посадилъ меня рядомъ съ собою, а напротивъ Садразама и министра двора Гакимъ-уль-Мулька, и мы изъ Эрмитажа поѣхали по набережной кругомъ рѣшетки дворцоваго сада къ собственному подъѣзду Ея Величества, гдѣ Шахъ былъ встрѣченъ согласно церемоніалу. Оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій доложилъ Шаху, что Государь, во избѣжаніе утомленія Шаха, предлагаетъ ему подняться на подъемной машинѣ. И хотя это показалось Шаху немного страшно, но нечего было дѣлать: мы пошли съ нимъ и сѣли въ машину. Какъ только она стала подниматься, Шахъ схватилъ меня за руку и отпустилъ ее только, когда машина остановилась во второмъ этажѣ; тогда Шахъ сказалъ мнѣ. *Pas si difficile!* У выхода изъ машины ожидалъ Шаха Государь, который и повелъ его по малой фельдмаршальской залѣ и большому портретному коридору въ Малахитовую гостиную, гдѣ ожидала Шаха Императрица. Визитъ продолжался минутъ 20, и потомъ Государь повелъ Шаха обратно той-же дорогой до машины, на собственный Ея Величества подъездъ. Здѣсь, передъ тѣмъ какъ сѣсть въ машину, Шахъ благодарилъ Государя очень задушевно за пріемъ и гостепріимство, а потомъ, показывая, Государю на меня, сказалъ: *Je Vous prie, recompensez amiral, je suis très content, très content de lui!* Мнѣ сдѣлалось очень совѣстно. Положеніе вышло очень неловкое для всѣхъ, я рѣшился сказать Шаху, какъ бы благодаря его: *„Votre Majesté, l'Empereur en me nommant auprès de Vous m'a fait la plus grande récompense possible, car en servant Votre Majesté, je savais que je sers l'Empereur“*. Государь любезно и добро при этомъ улыбнулся. Затѣмъ Шахъ тѣмъ же порядкомъ воротился домой и уже весь день никуда не ѣздилъ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ пріема Государя и Императрицы и, позвавъ меня къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и говорилъ, что очень

тронуть приѣмомъ, что Государь ему очень понравился и что онъ видно очень добрый, благородный и величественный „très bon, très noble et très magnifique“, такъ выразился Шахъ на своемъ своеобразномъ Французскомъ языкѣ. Вообще видно было, что Шахъ былъ подъ обаяніемъ Ихъ Величествъ, что совершенно понятно. Онъ былъ тронуть задушевностью, доброю и простотою обращенія Государя и въ тоже время польщенъ и благодаренъ Государю за воздаяніе ему Шаху при приѣздѣ и приѣмъ всѣхъ почестей, торжественности и великолѣпія, которыя только возможно оказать. Онъ тѣмъ болѣе все это чувствовалъ и былъ этимъ тронуть, да и всѣмъ приѣмомъ по всей Россіи, что Англійская партія при его дворѣ постоянно пугала Шаха тѣмъ, что ему не будутъ оказаны тѣ почести, которыя подобаютъ Монарху и которыя воздавали его отцу. Теперь всѣ эти опасенія были торжественно разсѣяны, и кромѣ того личное впечатлѣніе Ихъ Русскихъ Величествъ на Шаха было самое отрадное и симпатичное.

Всю остальную часть дня Шахъ провелъ дома, но нѣсколько разъ и по долгу выходилъ въ залу смотрѣть въ окно и любоваться видомъ Невы и города. Шаха особенно занимали маленькіе пароходы, снующіе по Невѣ, и онъ спрашивалъ меня, что это за суда, военные или нѣтъ, а потомъ сказалъ, что хотѣлъ бы поѣхать на пароходѣ въ крѣпость, на слѣдующее утро. Увѣдомивъ объ этомъ Главный Морской Штабъ, я получилъ скоро увѣдомленіе, что великій князь Алексѣй Александровичъ предоставитъ его величеству на слѣдующее утро свой паровой катеръ, что я и доложилъ Шаху.

Послѣ своего обычнаго одинокаго обѣда въ 9 часовъ вечера, Шахъ скоро легъ спать, а я отправился къ временно-управляющему Министѣрствомъ Иностранныхъ Дѣлъ графу Ламсдорфу, чтобы поговорить съ нимъ о предназначаемыхъ Персидской свитѣ Шаха наградахъ, такъ какъ предложенныя казались мнѣ совершенно неподходящими, потому что Садразаму и главнымъ министрамъ рѣшили дать подарки, а не ордена, и это было бы для нихъ величайшею обидою. Я засталъ у графа Ламсдорфа, Кохановскаго, который уже ратовалъ по этому вопросу, но какъ подчиненный, рискующій собою, предъ начальникомъ, т. е. дѣйствительно увы! весьма робко и неудачно. Графъ Ламсдорфъ понялъ основательность моихъ доводовъ, т. е. что надо сдѣлать возможно пріятное, а не непріятное, и тоже понялъ, наконецъ, что Персы, какъ очень самолюбивые, особенно первые сановники, подарками обидятся, а Кохановскій добавилъ, что Садразамъ при самомъ вступленіи своемъ въ должность, объявилъ, что подарковъ принимать не будетъ.

Но что-же дѣлать? въ смущеніи сказалъ графъ Ламсдорфъ: докладъ объ этомъ Государю уже былъ, Государь все утвердилъ, и какъ же докладывать опять? Я ему отвѣтилъ: Графъ, вы знаете Государя, что Онъ на правду никогда не разсердится и, напротивъ, будетъ очень недоволенъ, если потомъ узнаетъ, что были въ этомъ сдѣланы промахи и ошибки и что его въ время не предупредили. Графъ Ламсдорфъ былъ совсѣмъ смущенъ; сбитый съ позиціи, онъ сказалъ, что все это правда, что онъ поразмыслить ночью и поговорить съ Русскимъ посланникомъ въ Персіи Аргиропуло. Вѣдь Аргиропуло и составилъ этотъ проэктъ, отвѣтилъ я графу Ламсдорфу, который, вы сами видите, никуда не годится; да и къ тому же у него въ спискахъ всего 12 человекъ, а свита Шаха состоитъ изъ 45 человекъ. Затѣмъ я уѣхалъ и утомленный до нельзя этими тяжелыми днями, отправился съ Недѣлковичемъ въ коляскѣ прокатиться на острова, что меня нѣсколько освѣжило.

5 *Юля*. Въ 10 часовъ утра Шахъ со свитой отправился на паровой катеръ, стоявшій передъ дворцомъ, чтобы ѣхать въ крѣпость. Это была для Шаха большая эмоція, ибо онъ никогда не ѣздилъ на пароходѣ. День былъ чудный, яркій, солнечный, и на Невѣ совершенно тихо, такъ что Шаху не показалось совсѣмъ страшно. На флакштокѣ катера подняли Персидскій флагъ, и съ крѣпости начался салютъ, что было Шаху очень пріятно. Изъ всѣхъ военныхъ почестей салютъ съ крѣпостей и вообще изъ пушекъ ему всего пріятнѣе. У воротъ крѣпости Шахъ былъ встрѣченъ комендантомъ, пошелъ пѣшкомъ въ соборъ и тамъ направился къ гробницѣ Государя Александра III. Взявъ изъ рукъ своего посланника приготовленный серебряный вѣнокъ, Шахъ положилъ его на гробницу, простоялъ нѣсколько мгновений молча и потомъ сказалъ мнѣ: „Души не умираютъ, а здѣсь на землѣ живутъ великія дѣла такихъ добрыхъ государей“. Затѣмъ Шахъ подходилъ къ гробницамъ другихъ государей и царицъ. Шаху понравилась простота нашихъ царскихъ памятниковъ, простота величественная, вполнѣ соответствующая ничтожности человека и его скоропреходящности: все значеніе памятника въ имени того, кто подъ нимъ погребенъ. Шахъ съ почтеніемъ останавливался у памятниковъ императоровъ Александра II, Николая I, Александра Павловича, Екатерины и Петра Великаго. Но кромѣ памятниковъ и распросовъ о нихъ и о погребенныхъ государяхъ, Шахъ въ соборѣ ничего не смотрѣлъ; это было своего рода уваженіе къ чужой святынѣ.

Изъ собора Шахъ со свитой прошелъ на Монетный дворъ, гдѣ его ожидалъ министръ финансовъ, который и показалъ Шаху все

производство плавки металла и чеканки монетъ, и представилъ Шаху медаль, выбитую въ честь его посѣщенія Монетнаго двора. Шахъ очень интересовался, но жара и духота были такіе страшныя, что ему стало дѣлаться дурно, и его посадили у открытаго окна и обмачивали лобъ и виски холодной водой. Изъ крѣпости Шахъ вернулся домой тоже на паровомъ катерѣ, и эта первая прогулка на водѣ ему не только очень понравилась, но онъ ею и нѣсколько гордился. Взойдя на эрмитажный подъѣздъ, я предложилъ ему подняться на подъемной машинѣ. Онъ къ ней подошелъ, посадилъ въ нее двухъ министровъ и велѣлъ ихъ поднять, а самъ сказалъ „нѣтъ“ и пошелъ на верхъ по лѣстницѣ и ужъ ни разу потомъ нигдѣ на подъемныхъ машинахъ не поднимался.

Около 4 часовъ дня, Великій Князь наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ къ Шаху (который о томъ былъ предупрежденъ мною), чтобы сопровождать его въ Петергофъ на парадный обѣдъ. Передъ отъѣздомъ, по просьбѣ фотографа Гана, я попросилъ Великаго Князя Михаила Александровича предложить Шаху сняться съ нимъ фотографически. Шахъ былъ этимъ очень доволенъ и, выйдя изъ Романовской галереи во внутренній (открытый) садъ, онъ фотографировался, сначала съ Великимъ Княземъ вдвоемъ, а потомъ съ нимъ и свитой. Затѣмъ по желѣзной дорогѣ мы отправились въ Петергофъ. Я долженъ былъ сидѣть въ вагонѣ съ Шахомъ и Великимъ Княземъ и способствовать разговору. Сначала это было тяжело, но потомъ двѣ высокія особы разговорились, и все пошло какъ нельзя лучше.

По пріѣздѣ въ Петергофъ Шаха отвезли въ его апартаментъ въ большомъ дворцѣ (комнаты близъ церкви, гдѣ всегда помѣщаются высокіхъ пріѣзжихъ) и черезъ нѣсколько минутъ повели къ вдовствующей Императрицѣ въ ея апартаменты въ большомъ дворцѣ, какъ она сама назначила. Тутъ надо сказать, что Шаху предлагали, во время его пребывания въ Россіи, жить не въ Петербургѣ, а въ Петергофѣ, и думали этимъ оказать ему вниманіе; но Шахъ отъ этого отказался подъ предлогомъ, что онъ боится Петергофской сырости, но въ сущности этою сыростью пугалъ его докторъ Адкогъ; да и всей свитѣ было гораздо удобнѣе и веселѣе жить въ Петербургѣ, и они все уговорили Шаха, что такъ какъ его отецъ во время своихъ визитовъ Русскому Государю всегда жилъ въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, то и ему приличнѣе жить тамъ-же. Такъ это и устроилось.

Передъ обѣдомъ самъ Государь пріѣхалъ къ Шаху, чтобы съ нимъ вмѣстѣ идти къ столу.

Я вышелъ въ залу навстрѣчу Государя. Онъ у меня спрашивалъ разныя подробности о Шахѣ и о всемъ его касающемся. При этомъ я доложилъ Государю, готовящуюся неловкость съ наградами министрамъ, и что Шаху очень желательно, чтобы четыре его главные любимца были награждены орденами, а не вещами. Государь съ этимъ совершенно согласился, сказавъ, что въ этомъ дѣлѣ „надо сдѣлать пріятное Шаху“. Чтоже до Садразамы, то Его Величеству угодно было рѣшить дать ему знакъ Орла и Андреевскаго ордена, съ брилліантами для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ, и все это Государь приказалъ мнѣ сказать графу Ламсдорфу.

Затѣмъ Государь вышелъ къ Шаху и сказалъ, что пора идти къ столу; а Шахъ просилъ Государя сначала пройти на половину Государыни Александры Ѳеодоровны, чтобы поднести ей Персидскій орденъ, что и было сдѣлано.

Обѣдъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, происходилъ въ Петровскомъ залѣ. Шахъ сидѣлъ между Государемъ и Императрицей, а зади Шаха стоялъ Недимось-султанъ, официальный переводчикъ Шаха, который очень хорошо говорить по французски. Государь, узнавъ, что Шахъ не можетъ пить Шампанскаго, былъ такъ внимателенъ, что самъ приказалъ, чтобы вмѣсто Шампанскаго Шаху наливали лимонадъ-газесъ. Обѣдъ прошелъ очень хорошо; Государь пилъ за здоровье Шаха и за его благополучное путешествіе. Шахъ пилъ за здоровье Государя и Ихъ Величествъ Императрицъ, затѣмъ превозгласилъ тостъ за всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ обѣда опять, какъ всегда, царская фамилія пошла покурить на балконъ, но было очень жарко и, чтобы не утомлять Шаха, Государь не дѣлалъ куртаты, а предложилъ Шаху пройти въ отведенныя ему комнаты, гдѣ посидѣлъ съ нимъ около 20 минутъ и дружжелюбно съ нимъ бесѣдовалъ.

Между прочимъ Шахъ спросилъ Государя, какъ идутъ дѣла въ Китаѣ. Государь отвѣтилъ: *Mais très mal jusqu, à présent et probablement il faudra beaucoup de temps, d'argent et malheureusement beaucoup de sang répandu pour réparer tous ces désordres occasionnés par les Chinois.*

Затѣмъ Государь простился съ Шахомъ, сказавъ, что Онъ поручаетъ Великому Князю Михаилу Александровичу довести его въ Петербургъ, что Великій Князь и исполнилъ.

Шахъ остался очень доволенъ всѣмъ вниманіемъ, почетомъ и любезностью, съ которыми Государь и вся царская фамилія его принимали, сердечностью и особенно дружелюбіемъ Государя къ нему.

6 *Юля, Четвергъ*. Погода была прекрасная, и Шахъ со свитою въ 11 часовъ утра былъ уже въ Красномъ Селѣ на ст. жел. дороги, куда прибылъ одновременно съ Государемъ, и съ Его Величествомъ въ коляскѣ поѣхалъ на военное поле. Здѣсь Шахъ пересѣлъ въ двухмѣстную коляску къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Государь сѣлъ верхомъ и поѣхалъ вдоль линіи войска, а послѣ объѣзда Шахъ былъ приглашенъ въ высочайшую палатку на валикѣ, откуда и смотрѣлъ парадъ, сидя рядомъ съ Императрицей. Парадъ былъ великолѣпный, и я полагаю, что, глядя на наши войска вообще, а сегодня на нашу чудную гвардію, Шахъ не могъ, вспоминая свое необученное, плохо вооруженное и полуодѣтое войско, не сознавать своего безсилія передъ Россіей.

Послѣ парада Государь приказалъ артиллерійской батарее, вооруженной скорострѣльными орудіями, подѣхать къ валику и тутъ объявилъ ей объ отправленіи ея въ Китай, что было принято ею съ восторженнымъ „ура“.

Одинъ изъ придворныхъ Шаха, потомъ, при немъ и при мнѣ, сказалъ ему, что въ городѣ говорятъ, что когда Государь привѣтствовалъ артиллеристовъ, посылаемыхъ въ Китай, то будто бы онъ Шахъ обнажилъ мечъ, и сказалъ, что онъ всѣмъ сердцемъ этому сочувствуетъ. Шахъ отвѣтилъ, что народное чувство у насъ не ошиблось въ его полномъ сочувствіи къ нашей арміи и его желаніи ей успѣха.

Послѣ завтрака въ палаткѣ на валикѣ, мы съ Шахомъ возвратились въ Петербургъ, и остальную часть дня онъ не выѣзжалъ изъ дворца. Но кругомъ него и въ его комнатахъ весь день была настоящая ярмарка. Безпрестанно пріѣзжали къ нему представляться наши министры, разные сановники и прочія лица. Постоянно подносили ему разные вещи, или по его приказанію для выбора разные товары, и я долженъ былъ часто къ нему бѣгать для разныхъ распоряженій, докладовъ и пр., такъ что въ вечеру былъ буквально въ изнеможеніи.

Я былъ помѣщенъ надъ Мавританскимъ заломъ, въ тѣхъ двухъ комнатахъ, гдѣ нѣкогда, во время баловъ, ходятъ курить, и могъ ли я думать во время-дно, что мнѣ придется въ этихъ комнатахъ обитать, состоя при Персидскомъ шахѣ?

7 Июля, Пятница. Утромъ въ 10 часовъ, Шахъ отправился на паровомъ катерѣ со мною и ближайшей свитой въ Ботанической садъ. При проходѣ мимо крѣпости опять былъ салютъ. Но во время пути Шахъ нѣсколько разъ пугался; отъ встрѣчающихся париходовъ образовывалась небольшая волна, нашъ катеръ начинало качать, Шахъ схватывалъ руки своего сосѣда и съ безпокойствомъ спрашивалъ, что такое. Министръ государственныхъ имуществъ встрѣтилъ Шаха на пристани и водилъ его по саду. Шахъ просилъ прислать ему сѣмянъ того или другого растенія. Когда онъ вошелъ въ теплицу, гдѣ цвѣтеть *Victoria Régina*, то тамъ оказалась такая невыносимая жара, что Шахъ не могъ ея стерпѣть и сталъ говорить: домой, домой, и мы выскочили изъ теплицы, не осматривая ничего больше въ саду и воротились домой.

Въ 7 часовъ вечера былъ назначенъ въ Петергофѣ семейный обѣдъ, а послѣ этого парадный спектакль въ Петергофскомъ театрѣ.

Шахъ, обкураженный своими первыми переѣздами на паровыхъ катерахъ на водѣ, согласился на мое предложеніе отправиться въ Петергофъ на париходѣ. Ему былъ приготовленъ царскій париходъ „Александрія“; въ 4 часа онъ туда прибылъ и принятъ былъ на пристани со всеми подобающими почестями, начальствующими морскими и городскими лицами. Погода сначала была прекрасная и тихая, потомъ сдѣлалась вѣтряною и, по выходѣ „Александріи“ изъ морского канала, ее стало покачивать. Но въ началѣ перехода было совсѣмъ тихо и спокойно. Шахъ вошелъ даже на мостикъ и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на совершенно новый для него міръ париходовъ, парусныхъ судовъ, броненосцевъ, миноносокъ и миноносцевъ и всякихъ морскихъ сооруженій, заводовъ и стапелей со строящимися на нихъ судами или доканчивающими близъ заводовъ свое вооруженіе. Онъ про все спрашивалъ, и ему все объясняли. Потомъ Шахъ пошелъ пить чай внизъ въ каюту и былъ удивленъ видѣть столь большую комнату внутри парихода. Потомъ ему предложили сидѣть въ рубкѣ, что онъ и дѣлалъ, а подходя къ Петергофу, стоялъ на палубѣ, опираясь на двухъ своихъ министровъ, совершенно какъ изображенъ Османъ-паша представляющійся Государю Александру II послѣ взятія Плевны.

По пріѣздѣ въ Петергофъ, Шахъ сѣлъ въ экипажъ, и я провезъ его по всему нижнему саду, при чемъ онъ любовался садомъ и восхищался фонтанами.

Передъ 7-ю часами Государь заѣхалъ за Шахомъ и повелъ его къ столу. За Шахомъ опять стоялъ его переводчикъ. Обѣдъ былъ семейный, а вся свита и дворъ обѣдали въ Кухоческомъ залѣ, и послѣ обѣда всѣ были немедленно отправлены въ театръ, чтобы занять мѣста до пріѣзда царской фамиліи.

Государь повезъ Шаха съ собою и вошелъ съ нимъ и съ Императрицею въ царскую ложу, гдѣ расположилась и вся царская фамилія, а за ними нѣсколько лицъ: министръ двора, министръ иностранныхъ дѣлъ и я, какъ состоящій при Шахѣ.

Когда занавѣсъ опустился послѣ перваго дѣйствія, и всѣ стали выходить изъ ложъ, то Шахъ, вмѣсто того, чтобы остановиться въ царскомъ фойе, побѣжалъ внизъ; я, конечно за нимъ. Оказалось, что ему сдѣлалось дурно отъ жары; принесли воды, помазали ему виски, дали напитокъ. Въ это время пришелъ Государь, недоумѣвавшій, что такое случилось и куда дѣвался Шахъ, который самъ успокоилъ Государя, сказавъ, что ему было слишкомъ жарко. Государь самъ подаль ему стулъ, предложилъ папироску и посидѣлъ съ нимъ, а потомъ, когда Шахъ отдышался, повелъ его въ фойе, устроенное въ галереяхъ вокругъ театра и очень богато убранное растеніями и цвѣтами, а посреди съ накрытыми столами для чая и десерта. Въ это время многихъ дамъ и сановниковъ представляли Шаху, и онъ былъ очень веселъ, любезенъ и доволенъ.

По окончаніи спектакля Шахъ поѣхалъ на станцію жел. дороги, куда сопровождалъ его Великій Князь Павелъ Александровичъ, и въ 12 часовъ мы прибыли въ Петербургъ: но до дворца ѣхали по обыкновенію долго, потому что Шахъ постоянно говорить: „не такъ скоро“; онъ бонтея скоро ѣздить, но всегда объясняетъ, что это для того, чтобы лучше видѣть городъ или дорогу.

Сегодня въ Петергофѣ роздали много орденовъ, преимущественно лицамъ свиты и сановникамъ двора.

8 *Юля*. Около 1 часу дня Шахъ со мной, Садразамомъ и министромъ своего двора, въ коляскахъ, отправился на Бассейную улицу въ Персидское посольство на завтракъ къ Персидскому послу Мирзѣ-Ризѣ-Хану. Тутъ была вся свита Шаха, Русскіе состоящіе при Шахѣ и нѣсколько генеральныхъ консуловъ Персидскихъ и почетныхъ лицъ Персидской колоніи въ Петербургѣ.

Шахъ былъ очень доволенъ, что уже теперь онъ познакомился съ Государемъ и что все такъ хорошо обошлось. Онъ меня еще разъ горячо благодарилъ за мои о немъ попеченія, труды и за всѣ мои совѣты, при чемъ онъ прибавилъ: *je sens que Vous avez toujours dit du bien de moi à l'Empereur* (я чувствую, что вы постоянно говорили обо мнѣ Государю доброе). И это была правда, такъ какъ я во всѣхъ своихъ телеграммахъ, съ пути, цитировалъ Государю собственныя выраженія Шаха. Полагаю что изъ всѣхъ этихъ донесеній у нашего Государя составилось такое впечатлѣнне, что Шахъ очень добрый и хорошій человекъ, искренно расположенный къ Россіи и признательный за приемъ, который по повелѣнію Государя былъ ему повсюду въ Россіи оказанъ. Государь однажды мнѣ сказалъ, что Шахъ добрый человекъ. И дѣйствительно, Шахъ былъ очень добрый человекъ, съ очень здравымъ разсудкомъ, очень деликатный и съ прекраснымъ, ровнымъ и спокойнымъ нравомъ. Но вмѣстѣ въ тѣмъ онъ преисполненъ сознанія своего достоинства, какъ непреклоннаго Монарха: „Шахъ Инъ Шахъ“ то есть Царь Царей, какъ называютъ въ Персіи Шаха. Но при этомъ Шахъ отдаетъ себѣ отчетъ въ слабости своего государства сравнительно съ сильными Европейскими державами, и онъ страдаетъ отъ *этого униженія*, которое Англія ему жестоко давала чувствовать, за что Шахъ ее теперь ненавидитъ. Онъ чувствуетъ тоже и превосходство Россіи и сознаетъ, что Персія больше всего отъ нея зависитъ; но услуги, оказанныя въ эти послѣдніе годы Россіей Персіи и теперешній дружескій приемъ его въ Россіи, великолѣпіе и почести этого приема, къ чему Шахъ болѣе всего чувствителенъ, и наконецъ искренняя любезность нашего Государя, все это не только отняло у Шаха всякую горечь сознанія своей слабости передъ Россіей, но и сердечно его къ намъ расположило, и онъ теперь, кромѣ того, убѣдился въ миролюбіи Россіи и отсутствіи у нашего правительства всякихъ видовъ на Сѣверъ Персіи. Однимъ словомъ, онъ былъ теперь и спокоенъ, и доволенъ, и польщенъ.

Съ самаго начала я принялъ съ нимъ тонъ всей должной къ нему почтительности, съ сердечнымъ вниманіемъ къ его особѣ, всѣмъ его желаніямъ и ко всѣмъ подробностямъ его путешествія, а съ его министрами я былъ очень любезенъ и внимателенъ. Все это было тѣмъ болѣе пріятно и Шаху, и его свитѣ, что во время пріѣздовъ его отца Шаха въ Россію наши генераль-адъютанты, назначаемые для его сопровожденія по Россіи, князь Владимиръ Меньшиковъ, адмиралъ Поповъ и генералъ Кушелевъ, не знаю уже почему вовсе не были къ Шаху*)

*) Насръ—Эдину—отцу теперешняго Шаха Музаферъ-Эдина.

внимательны, относились къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, а съ министрами и свитою Шаха обращались съ полнымъ пренебреженіемъ, что ихъ очень оскорбляло, ибо Персы сами чрезвычайно вѣжливы и чрезвычайно чувствительны къ вѣжливости и вниманію.

Шахъ былъ встрѣченъ на подѣздѣ посломъ со всей миссіей и музыкой и проведенъ въ гостинную. Тутъ были приготовлены *подарки*, подносимые Шаху посломъ: портретъ Шаха, чернетью на серебряной доскѣ, причемъ всѣ брилліантовыя украшенія на портретѣ были изъ настоящихъ брилліантовъ, вставленныхъ въ доску; это было очень дико и некрасиво, но Шаху и Персіанамъ очень понравилось. За симъ сервизъ золотой съ эмалевыми цвѣтами и разныя другія цѣнныя вещи. Шахъ все принималъ очень милостиво; это въ ихъ нравахъ и обычаяхъ; *et il y avait en cela quelque chose d' enfantin*. Тутъ же въ комнатѣ былъ органъ, заводной, который игралъ Персидскій гимнъ и разныя другія пьесы Персидской музыки и напѣвовъ. Шахъ все ходилъ кругомъ органа, слушалъ и восхищался. Тогда Мирза-Риза-Ханъ сталъ просить Шаха удостоить его принять этотъ органъ, и Шахъ остался и этимъ подаркомъ отменно доволенъ. Всѣхъ подарковъ посолъ сдѣлалъ на 25 или на 30.000 рублей.

Послѣ поднесенія подарковъ Шахъ сѣлъ завтракать, но къ моему удивленію, не вмѣстѣ съ нами, а *одинъ* въ кабинетъ посла; а мы въ это время, уже очень голодные, ходили изъ угла въ уголь, наливаясь безвременно чаемъ и куря, уже безъ удовольствія, папиросу за папиросой; наконецъ, когда Шахъ позавтракалъ и легъ спать въ кабинетъ посланника, насъ пригласили къ завтраку очень хорошему.

Когда завтракъ кончился, и Шахъ проснулся, въ залу вошли какіе-то Русскіе пѣвцы и пѣвицы и стали пѣть, и одна молодая дѣвица, довольно хорошенькая, въ мужскомъ костюмѣ, въ лаковыхъ ботфортахъ, плясала, все поправляла падающія пряди своихъ волосъ и лукаво улыбалась.

Часа въ три Шахъ всталъ, очень милостиво благодарилъ хозяина, пожаловалъ его малолѣтняго сына (ему 6 лѣтъ) адъютантомъ къ наследственному принцу и поѣхалъ домой.

Въ 5¹/₂ часовъ прибылъ къ Шаху, по порученію Государя, Великій Князь Павелъ Александровичъ, чтобы везти Шаха въ Царское Село, гдѣ предполагался осмотръ дворца, парка и досторханъ въ большемъ Царскосельскомъ дворцѣ.

Царскосельскій паркъ и дворець очень понравились Шаху. Въ паркѣ онъ и свита катались въ коляскѣ и заѣзжали въ павильонъ съ поднимающимися кушаніями въ столахъ; Шаху такимъ образомъ поднимали фрукты, и это его очень забавляло. Къ 8 часамъ мы вернулись въ Петербургъ, и остальную часть дня онъ оставался дома. Къ вечеру у Шаха усилился насморкъ, погода испортилась, и Шахъ рѣшилъ отказаться отъ предполагавшейся на завтра поѣздки въ Кронштадтъ. Онъ боялся, чтобы этотъ отказъ не былъ непріятенъ Государю, о чемъ я и послалъ Его Величеству телеграмму. Государь отвѣтилъ очень любезно, что и успокоило совершенно Шаха.

9 Июля, Воскресенье. Погода была весь день худая и сильный вѣтеръ съ моря, при которомъ поѣзка въ Кронштадтъ была-бы не особенно пріятна, и Шахъ дѣйствительно бы могъ простудиться, да и укачало бы его жестоко. Поэтому онъ былъ очень доволенъ, что поѣзка отмѣнена. Къ тому же сегодня предпоследній день его пребыванія въ Петербургѣ, и онъ былъ цѣлый день занятъ выборомъ разныхъ вещей, привозимыхъ изъ магазиновъ и окончаніемъ разныхъ дѣлъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Въ 5 часовъ по полудни онъ вдругъ вздумалъ посѣтить Эрмитажъ, и такъ какъ это было въ Воскресенье и начальника Эрмитажа Всеволожскаго не было, Эрмитажъ былъ запертъ, то было очень затруднительно. Къ счастью, отыскался эрмитажный гофъ-фурьеръ, который сказалъ, что онъ покажетъ Эрмитажъ не хуже Всеволожскаго. Всѣ коллекціи открыли, и Шахъ съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ оружія, Керченское отдѣленіе и останавливался передъ нѣкоторыми картинами Итальянской школы, спрашивая объ ихъ содержаніи, осматривалъ галерею Петра Великаго, собраніе разныхъ драгоценностей, и рядомъ съ эрмитажнымъ садомъ и Романовскую галерею. Въ Эрмитажѣ ему очень понравились столы и вазы изъ лаписъ-лазули; онъ выразилъ желаніе пріобрѣсти, если можно, нѣсколько вещей изъ этого камня, и я ему рекомендовалъ магазинъ Верфеля; но къ сожалѣнію, оказалось, что Верфель послалъ на Парижскую выставку все, что у него было хорошаго изъ лаписа.

10 Июля, Понедѣльникъ. Здоровье Шаха поправилось, насморкъ его болѣе не беспокоилъ, и погода была опять прекрасная. Все утро прошло въ невозможныхъ хлопотахъ, неразлучныхъ съ отбытіемъ великаго гостя изъ иностранной столицы.

Государь прислалъ Шаху большую серебрянную вазу въ видѣ большаго шлема, прекрасной работы Фаберже, а Шахъ приготовилъ въ даръ Государю саблю, эфесъ и ножны, которые были покрыты рубинами и брилліантами.

Въ 1 часъ по полудни Шахъ въ мундирѣ, покрытомъ брилліан-тами, вся его свита въ полныхъ мундирахъ, въ предшествіи гофъ-фурьеровъ и мы всѣ, т. е. лица при Шахѣ состоявшія, отправились черезъ залы Зимняго дворца въ малахитовую гостинную, гдѣ Шахъ былъ встрѣченъ Ихъ Величествами и всей царской фамліей, и Шахъ поднесъ Государю саблю, а потомъ всѣ пошли къ завтраку въ концертный залъ. Послѣ завтрака было представленіе Шахской свиты, т. е. откланиваніе и благодареніе за полученные Русскіе ордена; затѣмъ Шахъ простился съ Императрицей и великими княгинями и въ коляскѣ, вдвоемъ съ Государемъ, отправился съ тою же церемоніей, что и при въѣздѣ въ Петербургъ, на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, гдѣ его ожидали всѣ великіе князья, дворъ, министры и множество начальствующихъ лицъ, почти всѣ украшенные Персидскими орденами.

Пройдя съ Государемъ мимо почетнаго караула, Шахъ простился съ царской фамліей и горячо благодарилъ Государя за его дружелюбный пріемъ и гостепріймство; Государь тоже очень дружелюбно простился съ Шахомъ, пожелалъ ему добраго пути и съ чувствомъ и доброй улыбкой пожалъ ему руку. Шахъ вошелъ въ вагонъ, и поѣздъ тронулся.

Я оставался еще нѣсколько времени въ вагонѣ Шаха, который выражалъ мнѣ свое удовольствіе и благодарность Государю, а потомъ меня еще разъ сердечно за все благодарилъ. Онъ былъ въ какомъ-то радостномъ изступленіи и чувствовалъ потребность сообщать свои чувства и впечатлѣнія. Тутъ были Садразамъ, министръ двора и посланникъ, и Шахъ болталъ съ нами съ полчаса. Наконецъ онъ пошелъ переодѣваться, и всѣ разошлись по своимъ каютамъ, и когда я вошелъ къ себѣ, то съ благодарностью перекрестился и глубоко и радостно вздохнулъ. Слава Богу! Визитъ Шаха въ Петербургъ былъ уже за плечами и удался вполнѣ, къ общему и взаимному удовольствію.

Мы ночевали въ Псковѣ, и тутъ Садразамъ и посланникъ Мирза-Риза-Ханъ стали меня просить устроить такъ, чтобы статскій совѣтникъ Кахановскій, котораго Шахъ пригласилъ было ѣхать съ нимъ въ Парижъ и дальше, *не ѣхалъ бы съ нимъ*, ибо Шахъ теперь былъ очень недоволенъ Кахановскимъ и совсѣмъ перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе. Хотя въ этомъ была отчасти и нѣкоторая зависть къ близости Кахановскаго Шаху и опасеніе, чтобы Кахановскій не воспользовался бы этимъ въ ущербъ Садразаму и его партіи, но было и много правды. Шахъ дѣйствительно сталъ не довѣрять Кахановскому и избѣгалъ теперь случаевъ его звать къ себѣ и говорить съ нимъ безъ свидѣтелей; но все это Шахъ по своей деликатности и добротѣ дѣлалъ

весьма незамѣтно, такъ что самъ Кахановскій и не догадывался еще о происшедшей перемѣнѣ.

Шаха увѣрили, что публика во Франціи считаетъ жену Кахановскаго и его трехъ дочерей скрытымъ гаремомъ самого Шаха, и это послѣднее и отвратило его болѣе всего отъ Кахановскаго. Разумѣется, что, признавъ основательность нежеланія Шаха имѣть съ собой Кахановскаго, въ тотъ же вечеръ я посовѣтовала Кахановскому, въ Парижѣ, куда онъ тоже ѣхалъ, не состоять при Шахѣ, а жить совершенно отдѣльно, а затѣмъ и совершенно отъ Персіанъ отдѣлиться и воротиться прямо въ Петербургъ въ концѣ Сентября, чтобы сопровождать только Шаха отъ границы Германіи до Джульфы во время проѣзда Шаха по Россіи. Эту часть путешествія Кахановскій долженъ былъ сдѣлать, какъ одно изъ лицъ, назначенныхъ состоять въ Россіи при мнѣ для сопровожденія Шаха. Такъ все и устроилось, хотя бѣдный Кахановскій былъ очень огорченъ и озадаченъ.

12 *Юля*. Мы прибыли въ Вержболово благополучно утромъ 12 *Юля*, и Шахъ вскорѣ перешелъ въ приготовленный для него поѣздъ Французскихъ вагоновъ, тотъ самый, въ которомъ онъ нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ Контрэквилля въ Вержболово, такъ какъ въ Германскихъ вагонахъ онъ ѣздитъ больше не захотѣлъ. Но тутъ произошла новая грубость со стороны Германіи, которая глубоко обидѣла Шаха.

Какъ только Шахъ со своей свитой пересѣлъ въ свой заграничный поѣздъ, Прусскій пограничный комиссаръ, въ формѣ, пришелъ къ бывшему тутъ же Персидскому посланнику въ Берлинѣ и сталъ требовать отъ него уплаты 19,000 марокъ за прогонъ Шахова поѣзда по Германскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Посланникъ просилъ его представить ему счетъ этихъ денегъ въ Берлинѣ, но комиссаръ грубо отвѣчалъ ему, что деньги надо уплатить немедленно и что онъ имѣетъ приказаніе въ случаѣ, что денегъ не отдадутъ, то не отпускать поѣзда Шаха со станціи, пока не внесутъ денегъ. Посланникъ страшно сконфузился, денегъ у него такихъ большихъ съ собой не было, и онъ не зналъ, что ему дѣлать. Дѣло наконецъ дошло до Шаха, который очень оскорбился такимъ поступкомъ Германскаго управляющаго желѣзными дорогами, рассердился на посланника, допустившаго до подобнаго скандала и приказалъ Садразаму деньги немедленно выдать, а посланника выгнать изъ вагона.

Вслѣдъ за тѣмъ я вышелъ къ Шаху прощаться и ввелъ затѣмъ Русскую свиту. Шахъ былъ очень со всѣми любезенъ, а меня долго держа за руку еще разъ сердечно благодарилъ и поручилъ доложить Государю его глубокую радость, что съ нимъ видѣлся и сердечную

благодарность за великолѣпный и дружественный пріемъ и гостепрѣимство. Затѣмъ мы вышли изъ вагона, и поѣздъ тронулся при звукахъ Персидскаго гимна и „ура“ почетнаго караула и всей публики. А я, со всей нашей свитой, въ тотъ же день, въ 3 часа дня поѣхалъ обратно въ Петербургъ и на другой день въ 3 часа дня высадился благополучно на Александровской станціи Варшавской желѣзной дороги въ Царскомъ Селѣ.

По возвращеніи моемъ въ Царское Село, я оставался тамъ съ семействомъ до конца Сентября, когда опять долженъ былъ встрѣтить Персидскаго Шаха, на этотъ разъ въ Волочискѣ (на Австрійской границѣ) и сопровождать его на Харьковъ, Ростовъ на Дону, Петровскъ, Баку и по Закавказью до Джульфы.

Въ первое же Воскресенье по возвращеніи, я былъ приглашенъ къ Ихъ Величествамъ въ Петергофъ къ обѣднѣ и къ фриштыку на фермѣ въ Александріи. За завтракомъ я сидѣлъ по правую руку Императрицы Маріи Ѳеодоровны и противъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, а Государь вверху стола, между обѣими Императрицами.

Во время завтрака Государь дѣлалъ мнѣ вопросы о путешествіи Шаха, обѣ Императрицы тоже, и я все время имъ рассказывалъ разные эпизоды путешествія, что все очень забавляло Ихъ Величества и все общество. Я былъ такъ занятъ разговоромъ, что даже и не замѣтилъ, кто сидѣлъ съ моей правой стороны и только въ концѣ завтрака, случайно повернувшись направо, увидѣлъ, что моя сосѣдка была великая княгиня Ксенія Александровна, и она мнѣ сказала улыбаясь: „вы на меня не обращаете никакого вниманія“. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, и я сталъ всячески извиняться, но эту неловкость трудно было и поправить. Великая княгиня съ большой добротой мнѣ сказала: *mais je dis cela en plaisantant*. Но съ моей стороны это было неучтиво, такъ что я потомъ даже писалъ гофмейстеру Ея Высочества Евреינוву записку съ просьбой попросить отъ меня прощенія; онъ отвѣтилъ, что Ея Высочество пошутила, и что она нисколько не сердится и т. п.

Затѣмъ всю остальную часть лѣта мы провели мирно и спокойно, живя въ Царскомъ Селѣ, какъ въ деревнѣ. Отъ времени до времени я видалъ нашихъ сосѣдей почтенныхъ и милыхъ графинь Перовскихъ и прочихъ сосѣдей по Китайской деревнѣ, Побѣдоносцева и еще коекого, но жизнь свою мы проводили въ семьѣ между собою.

Но такъ какъ это время глухое, когда никого въ городѣ и окрестностяхъ нѣтъ, то я и отклонилъ офиціальное празднованіе моего пятидесятилѣтняго юбилея, объявивъ, что въ этотъ день меня въ Петербургъ не будетъ.

Офиціальное празднованіе юбилея человѣка, не находящагося во главѣ какого либо учрежденія, человѣка, отъ котораго никто не зави-

силь и въ которомъ никто ничего не ищетъ, всегда блѣденъ и безцвѣтенъ, даже смѣшенъ и только утомленіе и для юбиляра и для тѣхъ, которые по добротѣ своей, или по какой либо причинѣ, считаютъ долгомъ къ вамъ въ этотъ день пріѣхать.

Поэтому мы рѣшили праздновать юбилей въ семействѣ. Моя жена заблаговременно изготовила для этого дня прекрасный образъ Знаменія, копию съ Царскосельскаго Чудотворнаго образа. Риза образа была украшена эмалью разныхъ цвѣтовъ, изображающихъ драгоценные камни и жемчугъ, покрывающій ризу на оригиналѣ. Образъ этотъ былъ освященъ наканунѣ юбилея, и жена просила отца Іоанна, бывшаго въ этотъ день у насъ, благословить меня этимъ образомъ.

9-го Августа, въ день юбилея, я былъ произведенъ въ адмиралы и получилъ милостивый рескриптъ, который здѣсь и привожу.

Ко мнѣ пришло множество телеграммъ, изъ которыхъ нѣкоторые меня очень тронули. Наканунѣ юбилея пріѣхалъ къ намъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

Въ самый день юбилея мы заказали литургію въ церкви Знаменія и потомъ отслужили молебенъ предъ чудотворною иконою Матери Божіей.

А вотъ и Высочайшій рескриптъ, данный на имя Члена Адмиралтействъ Совѣта, генераль-адъютанта, адмирала Арсеньева:

Дмитрій Сергѣевичъ. Совершившееся пятидесятилѣтіе достохвальнаго служенія Вашего въ офицерскихъ чинахъ Престолу и Отечеству даетъ мнѣ поводъ привѣтствовать въ Васъ неутомимаго и довѣреннаго сотрудника Августѣйшаго Дѣда Моего и Незабвеннаго Моего Родителя. Вы еще въ молодыхъ лѣтахъ обратили на себя особое вниманіе своими отмѣнными способностями и дарованіями, почему по особому довѣрію Дѣда Моего, Вы назначены были состоять при находившихся тогда въ юности возлюбленныхъ дядяхъ Моихъ Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Князьяхъ Сергіѣ и Павлѣ Александровичахъ, а затѣмъ Ихъ Высочества, до полного совершеннолѣтія, ввѣрены были Вашему попечительству. Въ 1882 году, Родитель Мой, оцѣнивъ по достоинству заслуги Ваши, призналъ полезнымъ назначить Васъ на отвѣтственную должность начальника Николаевской морской академіи и морского училища, занимая которую въ теченіе 14 лѣтъ, Вы, со свойственною Вамъ энергіею и заботливостью, достигли серьезныхъ результатовъ по образованію морскихъ офицеровъ флота; въ день же Священнаго Моего Коронованія, памятуя заслуги Ваши Моимъ Предкамъ, Я пожелалъ приблизить Васъ къ Себѣ—назначеніемъ Своимъ генераль-адъютантомъ, будучи твердо увѣренъ, что Вы останетесь Моимъ вѣрнымъ сотрудникомъ, и призвалъ Васъ къ участію въ тру-

дахъ высшаго учрежденія морского министерства въ качествѣ члена Адмиралтействъ Совѣта.

Въ воздаяніе столь долговременной и обильной полезными трудами службы, пожаловавъ Васъ чиномъ адмирала, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта и въ настоящей должности, пребываю къ Вамъ на всегда неизмѣнно благосклонный и „благодарный“ „Николай“.

Въ Лугѣ, 9 Августа 1900 года.

Въ слѣдующее за юбилеемъ Воскресенье я ѣздилъ въ Петергофъ къ обѣднѣ въ Александрію и потомъ былъ приглашенъ завтракать къ Ихъ Величествамъ.

Такъ какъ въ Александрійской церкви очень мало мѣста, то въ самой церкви кромѣ царской фамиліи стоятъ только дамы, а кавалеры остаются въ саду или идутъ курить въ сторожку. Но я вошелъ въ подземелье подъ церковью, въ которомъ находится ризница, и откуда отлично слышна вся служба.

Передъ завтракомъ я благодарилъ Государя за пожалованный чинъ и всемилостивѣйшій рескриптъ, и Государь очень добрымъ голосомъ сказалъ, что въ этомъ рескриптѣ сказано вполне мною заслуженное и что онъ очень радъ, что могъ сдѣлать *хотя что нибудь* мнѣ пріятное. Затѣмъ онъ спросилъ меня, когда я поѣду на встрѣчу Шаха и, узнавъ, что на обратномъ пути я буду недалеко отъ Крыма, приказалъ мнѣ по окончаніи путешествія пріѣхать въ Ливадію. Можно себя представить, какъ я былъ осчастливленъ милостивыми словами Государя.

Послѣ этого я уже не видѣлъ Государя и Государыни до ихъ отъѣзда. Они уѣхали въ Ливадію, гдѣ предполагалось остаться до конца Ноября.

Прилагаю здѣсь и напечатанную въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ статью *о моей службѣ*. Статья эта напечатанная моимъ вѣрнымъ и старымъ товарищемъ С. И. Недѣльковичемъ за нѣсколько времени до моего юбилея; она содержитъ въ краткихъ словахъ все прохожденіе моей службы, въ совершенной точности.

